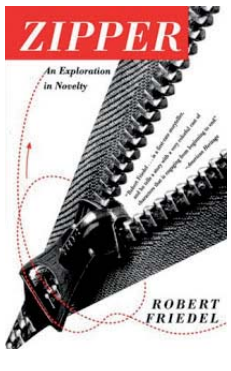
Реклама Hermes, 1914 год

AFP

Кадр из фильма «Дикарь».
Режиссер Ласло Бенедек, 1953 год

нее между функцией и позой, подобно тому, как и сам герой есть помесь Гамлета с Терминатором. В принципе, перед нами вполне естественная по тем временам мотоциклистская униформа со своей квазиармейской логикой, однако она исполнена столь декоративной истомы, что бунт уравнивается в правах с жестом, кич — с шиком, а в результате, как и было замечено по другому поводу, остается один чистый гомосексуализм.
После Брандо молния естественным путем перекочевала в образную систему рок-музыки, примеров такой визуализации можно привести множество — от знаменитого уорхоловского оформления альбома «Sticky Fingers» (1971) The Rolling Stones до малоприличной оболочки диска группы Accept «Balls To The Walls» (1984).
Американка Эрика Джонг, сочинительница прогрессивно-растленных романов, в самой известной своей книге «Я не боюсь летать» (1973) придумала выражение «zipless fuck», обозначающее совсем уж спонтанный (и, по ее собственному признанию, сугубо фантазийный) секс с незнакомцем, своего рода форсированный вариант one night stand. В русском переводе, однако, собственно технологический элемент исчез, превратившись в «секс нараспашку», равно как пропала манерная, но впечатляющая метафора — по версии Джонг, в процессе искомого fuck звенья молнии осыпаются, будто лепестки роз.
В СССР молния тоже выполняла отдельные фетишистские функции, однако ассоциировалась она не с сексом, но с общим номенклатурно-импортным габитусом. Общеизвестная похвальба предателя из песни Галича «даже брюки у меня — и те на молнии» встраивала застежку в один ряд с цековскими пайками, дачей в Павшино и кино с Целиковскою (впрочем, молния фигурировала также и в далеких от элитарного ботинках «прощай, молодость»). Более молодое поколение, а именно подростки первой половины восьмидесятых, могут со смешанным чувством вспомнить ту модель джинсов Milton's, задние карманы которой были щедро снабжены порочными золочеными застежками.
В «Бриллиантовой руке» молния принадлежит миру несуразного криминала, она, вкупе с шампанским, знак аристократизма и дегенеративности одновременно — герой Миронова ходит по подиуму вполне как представитель первой группы, однако несрабатывающая застежка мгновенно выдает в нем игрока со второго поля. При этом антагонист вышеупомянутого несуразного криминала С. С. Горбунков ассоциируется, наоборот, с пуговицами, хотя и перламутровыми.
В вечном споре молнии и пуговиц в пользу первой говорит иллюзия непроницаемости — в самом деле, только резко и до горла застегнутая молния дает ощущение фанфаронской герметичности и отгороженности от всего мира (собственно, именно поэтому это порой и выглядит вызывающе). Однако эта непроницаемость имеет логическое продолжение: схожим резким движением застегивают и мешок с трупом, словно репетируя герметизацию высшего, гробового порядка — а впрочем, Варлей примерно так же застегивала спальный мешок с Шуриком у Гайдая.



Обложка книги Роберта Фридела «Зиппер: исследование новизны», 1994 год